

В весенний вечер. Ги де Мопассан

(1850 – 1893)

Жанна выходила замуж за своего кузена Жака. Они знали друг друга с детства, и любовь их была свободна от той стеснительной формы, которую она обычно принимает в светском обществе. Они воспитывались вместе и не подозревали, что любят друг друга. Молодая девушка, немного кокетка, иногда чуть поддразнивала кузена; она находила его красивым, славным и каждый раз при встрече от души целовала, но никогда не испытывала той дрожи, от которой пробегают мурашки по всему телу, с головы до ног.

Он же просто говорил себе: «Она миленькая, моя кузиночка» – и думал о ней с той бессознательной нежностью, которую мужчина всегда испытывает к красивой девушке. Дальше его мысли не заходили.

Но вот однажды Жанна случайно услышала, как ее мать говорила тетке (тете Альберте, а не тете Лизон, оставшейся старой девой):

– Уверяю тебя, что эти дети тотчас же влюбятся друг в друга: это по всему видно. Мне кажется, Жак – именно тот зять, о котором я мечтала.

И Жанна немедленно же начала обожать своего кузена Жака. Она краснела при встречах с ним, теперь рука ее дрожала в руке юноши, она опускала глаза под его взглядом и иногда жеманничала, чтобы вызвать его на поцелуй, так что в конце концов он заметил это. Он понял все и в порыве удовлетворенного самолюбия и искреннего чувства крепко обнял кузину, щепнув ей на ухо: «Люблю тебя, люблю».

С этого дня началось воркование, ухаживание и тому подобное – целый поток проявлений любви, которые не вызывали в них благодаря их прежней близости ни неловкости, ни смущения. В гостиной Жак целовал невесту на глазах у трех старушек, трех сестер: своей матери, матери Жанны и тетки Лизон. Он по целым дням гулял вдвоем с нею в лесу, вдоль маленькой речки, по сырым лугам, где трава была усеяна полевыми цветами. Они ждали свадьбы без особого нетерпения, упиваясь чарующей нежностью, наслаждаясь тонким очарованием невинных ласк, рукопожатий и страстных, столь долгих взглядов, что их души, казалось, сливались воедино; их смутно волновала пока еще неясная жажда пылких объятий, а их губы словно ощущали тревожный призыв и, казалось, подстерегали, поджидали и обещали.

Иногда, проведя целый день в томлении сдерживаемой страсти, в платонических ласках, они оба чувствовали по вечерам необъяснимую усталость и глубоко вздыхали, сами не зная почему, не понимая этих вздохов, вызываемых ожиданием.

Обе матери и их сестра, тетя Лизон, с умилением следили за этой юной любовью. Особенно тетя Лизон казалась растроганной при виде их.

Эта маленькая женщина говорила мало, старалась быть незаметной, не производила ни малейшего шума. Она появлялась лишь к столу и затем возвращалась в свою комнату, где постоянно сидела запершись. Это была добрая старушка с ласковыми, грустными глазами; в семье с ней почти не считались.

Обе вдовье сестры, занимая известное положение в свете, смотрели на нее как на существо незначительное. С ней обращались с бесцеремонной фамильярностью, за которой скрывалось нечто вроде пренебрежительной доброты к старой деве. Родившись в дни, когда во Франции царил Беранже, она носила имя Лизы[2]. Когда увидели, что замуж она не выходит и, вероятно, никогда не выйдет, Лизу переименовали в Лизон. Теперь же она была «тетей Лизон», скромной, чистенькой старушкой, ужасно застенчивой даже с родными, а они любили ее любовью, смешанной с привычкой, состраданием и доброжелательным равнодушием.

Дети никогда не поднимались наверх, чтобы поздороваться с ней в ее комнате. К ней входила только служанка. Когда с тетей Лизон хотели поговорить, за ней посылали. Едва ли даже все знали, где находится комната, в которой одиноко протекала эта бедная жизнь. Старушка совсем не занимала места. В ее отсутствие о ней никогда не говорили, никогда не думали.

Она была тем незаметным существом, которое остается чуждым и неизвестным даже близким родным и смерть которого не оставляет в доме пустоты, существом, которое не умеет ни войти в жизнь, в привычки тех, кто живет бок о бок с ним, ни вызвать их любовь.

Она ходила всегда маленькими быстрыми беззвучными шагами, никогда не производила шума, никогда ни за что не задевала и, казалось, сообщала предметам способность не издавать ни малейшего звука: руки ее были словно из ваты, так легко и осторожно обращались они с тем, до чего дотрагивались.

Когда произносили «тетя Лизон», эти два слова не пробуждали, так сказать, ни единой мысли в чьем-либо сознании. Все равно как будто говорили: «кофейник» или «сахарница».

Собачка Лут обладала, несомненно, гораздо более заметной индивидуальностью; ее постоянно ласкали, звали: «Дорогая Лут, милая Лут, маленькая Лут». И оплакивали бы ее несравненно больше.

Свадьба кузенов должна была состояться в конце мая. Молодые люди жили, не спуская глаз друг с друга, не размыкая рук, сливаясь мыслью и душой. Весна, поздняя в том году, неустойчивая и холодная, с ночными заморозками и свежестью мглистых утренних часов, вдруг развернулась всюю.

Несколько теплых, слегка пасмурных дней пробудили все соки земли; как бы чудом распустились листья, и повсюду разлился сладкий, нежный аромат почек и первых цветов.

Затем однажды, после полудня, разгоняя клубы тумана, показалось победное солнце, озарив всю равнину. Его ликующий свет затопил всю округу, проник всюду, наполнив растения, животных, людей живительной радостью. Влюбленные птицы порхали, хлопали крыльями,

переключались. Жанна и Жак, подавленные восхитительным ощущением счастья, встревоженные новым трепетом, вливающимся в них вместе с возбуждающим ароматом лесов, но смущенные больше обычного, сидели целый день рядышком на скамье у ворот замка, уже не смея уединиться и рассеянно глядя на пруд, где гонялись друг за другом большие лебеди.

Вечером они почувствовали себя спокойнее и после обеда тихо разговаривали у открытого окна гостиной; их матери играли в пикет в светлом кругу от абажура лампы, а тетя Лизон вязала чулки для местных бедняков.

За прудом тянулся вдаль большой лес. Вдруг сквозь молодую листву высоких деревьев показалась луна. Медленно поднявшись из-за ветвей, которые вырисовывались на ее диске, она выплыла на небо и, затмив сияние звезд, стала изливаться на мир тот меланхолический свет, в котором реют светлые грезы, столь дорогие мечтателям, поэтам, влюбленным.

Молодые люди сначала глядели на луну, затем, поддаваясь сладкому очарованию ночи, очарованию мерцающего освещения газонов и кустов, тихими шагами вышли из дому и стали прохаживаться вдоль большой светлой лужайки до пруда, блестящего в темноте.

Окончив четыре вечерних партии пикета, обе матери, чувствуя, что их клонит ко сну, собрались ложиться.

– Надо позвать детей, – сказала одна из них.

Другая же, окинув взглядом бледный горизонт и две медленнодвигающиеся тени, возразила:

– Оставь их, на воздухе так хорошо. Лизон подождет их. Не так ли, Лизон?

Старая дева подняла на них испуганные глаза и ответила робким голосом:

– Конечно, я их подожду.

И обе сестры ушли в свои комнаты.

Тогда тетя Лизон, в свою очередь, поднялась и, оставив на ручке кресла начатую работу, шерсть и спицы, облокотилась на подоконник, любясь очаровательной ночью.

Влюбленная чета прохаживалась без усталости по лужайке от пруда к крыльцу, от крыльца к пруду. Они держались за руки и молчали, забыв обо всем, что их окружало, становясь частицей той зримой поэзии, которой дышала земля. Вдруг Жанна заметила в освещенном четырехугольнике окна силуэт старой девы.

– Погляди, – сказала она, – тетя Лизон смотрит на нас.

Жак поднял голову.

– Да, – ответил он, – тетя Лизон смотрит на нас.

И они продолжали мечтать, медленно ступая, отдаваясь чувству любви.

Трава стала покрываться росой, и оба вздрогнули от сырости.

– Пора домой, – сказала она.

И они пошли обратно.

Когда они входили в гостиную, тетя Лизон продолжала вязать, лицо ее склонилось над работой, а худенькие пальчики слегка дрожали, как будто от усталости.

Жанна подошла к ней.

– Тетя, мы пойдем спать.

Старая дева подняла глаза. Они были красны, как будто она плакала. Жак и его невеста не обратили на это никакого внимания. Но молодой человек заметил, что тонкие ботинки молодой девушки промокли. Встревоженный, он нежно спросил ее:

– Не озябли ли твои милые ножки?

И вдруг пальцы тети Лизон так задрожали, что работа выпала из ее рук и клубок шерсти далеко откатился по паркету; порывисто закрыв лицо руками, старая дева судорожно разрыдалась.

Дети кинулись к ней; потрясенная Жанна, став на колени и отведя ее руки, повторяла:

– Что с тобой, тетя Лизон? Что с тобой, тетя Лизон?

И бедная старушка, запинаясь и вся скорчившись от горя, ответила со слезами в голосе:

– Да вот он... он... тебя спросил: «Не озябли ли... твои милые ножки?...» Никто никогда... никогда не говорил мне таких слов!.. Никогда!.. Никогда!..

Примечания

1 Напечатано в «Голуа» 7 мая 1881 года. Новелла представляет собою один из этюдов к «Жизни» (гл. IV).

2 Родившись в дни, когда во Франции царил Беранже, она носила имя Лизы. – Своей музе Беранже дал имя Лизы (Лизетты).